

Энтони Гилберт

Убийство в назначенный срок

*Часть сборника
Убийство в назначенный срок.
Длинная тень смерти (сборник)*

Скотт Эджертон

Энтони Гилберт

Убийство в назначенный срок

«АСТ»

1932

Гилберт Э.

Убийство в назначенный срок / Э. Гилберт — «АСТ»,
1932 — (Скотт Эджертон)

В лондонском пансионе обнаружен труп молодой постоялицы Фанни Пенни. Но кто ее убил и почему? Возможно, преступник – один из многочисленных поклонников, частенько навещавших Фанни? Или неизвестный покровитель, связью с которым она хвасталась перед подругами? За дело берется опытный детектив Филд и вскоре выясняет, что Фанни регулярно получала крупные суммы денег от таинственного незнакомца. Кто же он? И за что платил?..

Содержание

Глава первая	6
I	6
II	7
III	10
IV	13
V	15
Глава вторая	16
I	16
II	23
Глава третья	24
I	24
II	26
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Энтони Гилберт

Убийство в назначенный срок

© The Estate of Anthony Gilbert, 1932

© Перевод. Л.Г. Мордухович, 2012

© Издание на русском языке AST Publishers, 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Юне с любовью

*Вот рассказ об убийстве, который придется вам по вкусу.
Здесь есть все – любовь, предательство,
странное жемчужное ожерелье, поддельная
предсмертная записка.
Ну и, разумеется, тело, свисающее с потолочной балки.
А как же, ведь в таких делах чем страшнее, тем лучше.*

Глава первая

I

Весной этого года полицию озадачила насильственная смерть молодой женщины, случившаяся в доме № 39 по Менсис-стрит. Район имеет сомнительную репутацию, и те, кому по долгу службы предписано защищать молодых девушек от опасностей городской жизни, не советуют им снимать там жилье, хотя добавляют, что некоторые дома в этом квартале вполне сносные. Впрочем, дом № 39 по Менсис-стрит в данную категорию не попадал. По причине того, что улица была довольно неприятной и по виду, и по составу проживающих там граждан. На убогие дома просто смотреть было противно. Квартирки там почти все состояли из одной комнатухи с маленькой кухонькой в нише, служащей также и ванной. Ну и под стать этому уличное освещение. Вечером лицо человека с трех метров не разглядишь. Однако каждую ночь здесь из рук в руки переходили довольно приличные суммы. Вот вам и нищета.

II

Заметим, что преступление особого внимания не привлекло. В самом деле, в последнее время женщин у нас начали убивать в таких количествах, что это стало почти общим местом. И кого могла заинтересовать гибель женщины из дома № 39 на Менсис-стрит? Да там по вечерам кто только не бывает. Одно слово – сброд.

Но иное дело, инспектор Скотланд-Ярда Филд. Его это неприятное происшествие весьма заинтересовало. К счастью, он оказался в то утро в нужном полицейском участке и решил посетить дом вместе с констеблем Оливером, который уже зафиксировал факт самоубийства мисс Пенни. Так поначалу все это выглядело.

Домом владела миссис Трэвор, крайне несимпатичная пожилая дама. Пансион у нее работал с незапамятных времен, и слухи об огромных барышах, которые он ей приносил, скорее всего были правдивыми. Несмотря на это, в благоустройство она не вкладывала ни пенни. Дом был ветхий и неприглядный. Однако квартирки никогда не пустовали, так что поводов для беспокойства у миссис Трэвор не возникало. Постояльцы, разумеется, преимущественно женщины, ей платили за жилье и завтрак. В общем, на жизнь миссис Трэвор хватало и кое-что оставалось.

Утром того памятного четверга, двадцать седьмого марта, она поднялась с подносом на второй этаж и постучалась в дверь мисс Флоренс Пенни. Двигалась хозяйка почти бесшумно, такая у нее была привычка, и постучалась еле слышно, вроде как поскреблась. Не так, как это делают нормальные порядочные люди.

Поскольку дверь не открыли, пришлось поставить поднос и подергать ручку. Не добившись желаемого результата, миссис Трэвор заколотила в дверь кулаком, чем вызвала переполох. Постояльцы были недовольны шумом, они не привыкли вставать рано. На просьбу стучать потише хозяйка отреагировала как положено. Не слишком грубо, нет, для этого пока не было причин. Миссис Трэвор просто посоветовала выглянувшим в коридор девицам заткнуться.

Мисс Пенни по-прежнему не отзывалась, что вынудило хозяйку опуститься на колени и проверить, вставлен ли с той стороны в замочную скважину ключ. Его там не оказалось, зато взору удивленной миссис Трэвор предстала как будто витающая в воздухе нижняя часть ночной рубашки мисс Пенни из розового шелка.

Миссис Трэвор медленно поднялась, не сводя с двери злого взгляда. Она слишком хорошо знала жизнь, особенно здешнюю, и потому относительно того, что случилось там, за дверью, у нее было мало сомнений. Ее пансион пока еще Бог миловал, но в других подобное случалось. И если мисс Пенни действительно свела счеты с жизнью, то надо ждать убытков. Девушки не пожелают селиться в пансион с дурной славой. А славу очень быстро разнесут газеты. Обязательно. И утаить смерть не получится. Не тот случай.

Ее размышления прервала Руна Мередит, девушка, живущая в конце коридора. Она была в короткой нижней юбке, босая, в руке гребень, в зубах сигарета.

– Доброе утро. С нашей леди Вер-де-Вер¹ что-то случилось?

– Не отзывается, – буркнула хозяйка.

– Может, ушла куда-нибудь?

– Она не уходит, пока не позавтракает. И вообще, как она могла уйти, если только не вылетела в окно? Иначе бы я увидела.

Руна пожала плечами:

¹ Благородная красавица Клара, героиня стихотворения Альфреда Теннисона. – *Здесь и далее примеч. пер.*

– Может, она не ночевала? В первый раз, что ли? А вот мне не везет. Ни разу еще клиент не предложил ради разнообразия поехать в отель. Нет, каждый вечер приходится тащить его сюда. А меня уже от всей этой убогости тошнит.

– Странно, вчера вечером она явилась в половине одиннадцатого. Я хорошо помню. – Миссис Трэвор рассуждала сама с собой, не обращая внимания на слова Руны. – И больше никуда не отлучалась. Я слышала, как она долго болтала с каким-то парнем у входа. Такси отъезжало, а разговор все продолжался. Я решила, что он пойдет к ней. Потом были слышны шаги в коридоре, мне показалось, что только ее. Дверь комнаты открылась и захлопнулась.

– А может, – мечтательно проговорила Руна, – парню надоело, что она изображает благородную, и он ее прирезал? Помните Роуз Лейн? Какой ее нашли тогда утром? А того парня, наверное, как следует и не искали. Это для нас, девушек, должно послужить уроком.

Руна исчезла и вернулась с ярко-голубым платьем, которое надела через голову. Затем, чуть оттеснив миссис Трэвор, присела и посмотрела в замочную скважину.

– Это она, кто же еще! Лица не видно, но ночная рубашка не может сама по себе висеть в воздухе. Да и ноги чуть-чуть видны.

– Да, – вынуждена была согласиться миссис Трэвор.

– Так что никуда не денешься, придется звать констебля, – нахально заявила Руна, вставая.

Миссис Трэвор понимала, что без полиции не обойдешься, однако все еще надеялась избежать огласки. Думала сходить в участок и уговорить кого-нибудь прийти, но в штатском. Открыв ворота, она столкнулась лицом к лицу с констеблем Оливером, который в этот час совершал обход территории.

– Что-нибудь случилось? – спросил он, с любопытством разглядывая хозяйку пансиона.

– Не знаю. Может, и случилось.

– Что значит не... – начал он, но его перебила высунувшаяся из окна Руна.

– Надо же, как вы быстро встретились! – весело крикнула она. – Так пусть он скорее идет и ломает дверь. – Руна ненавидела миссис Трэвор, а еще больше, наверное, женщину, которая не отзывалась на стук по той простой причине, что была мертва.

Теперь уже у миссис Трэвор не было выбора, кроме как пригласить констебля Оливера в дом.

Комната Флоренс Пенни, лучшая в доме, была сравнительно большая и имела глубокий альков, где стояла кровать. Из мебели там были еще туалетный столик, платяной шкаф, поцарапанный письменный стол, кресло и стул. Линолеумный пол покрывали несколько потертых ковриков. Один из них, обычно лежавший у кровати, теперь валялся в углу, смятый. Беспорядок, в котором находилась постель, свидетельствовал о том, что на ней происходило что-то необычное. Возможно, борьба.

– Хотелось бы знать, – проговорил констебль Оливер, задумчиво рассматривая потолочную балку, тянувшуюся по всей длине комнаты, – зачем ее туда поместили.

– На этой улице во всех домах такие балки, – мрачно пояснила миссис Трэвор. – Дома старые, построены очень давно.

– Понятно, – кивнул Оливер, ступая вперед.

Дело в том, что с этой самой балки свисало тело молодой женщины с растрепанными черными волосами, в розовой ночной рубашке. На ее лицо без ужаса нельзя было смотреть. Распухшее, посиневшее, из безобразно раскрытого рта высовывался почерневший язык. Вдобавок ко всему женщина смотрела на них широко раскрытыми глазами. Висела она довольно низко. Голые ноги не доставали до пола. Тапочек нигде не было. Правда, вскоре Оливер обнаружил их. Для этого ему пришлось сильно наклониться. Тапочки запрятали далеко под кровать. Повешена женщина была на довольно тонкой веревке. Рядом валялся перевернутый дубовый табурет.

Констеблю Оливеру стало ясно, что это самоубийство, но он был добросовестный полицейский и к своим обязанностям относился серьезно. Поэтому немедленно озаботился, чтобы в комнате ничего не трогали. Он резко обернулся к миссис Трэвор:

– Пожалуйста, ни к чему не прикасайтесь. У вас есть соображения, почему она так поступила?

Хозяйка злилась на мертвую женщину, заварившую эту кашу, но отозвалась тихим тоном, преисполненным горечи:

– Откуда мне знать? И никто здесь ничего не знает, я уверена. Она всегда ставила себя выше остальных. Бог знает почему. Спросите Руну, она вам скажет то же самое. От этой мисс Пенни и слова-то никогда не дождешься. Шастала туда-сюда, изображала герцогиню. А если ее светлость снисходила заговорить с нами, это становилось событием.

Констебль Оливер понимающе кивнул и принялся сосредоточенно осматривать комнату, пока его взгляд не остановился на конверте, лежащем на шатком письменном столе. На конверте надпись: «Тому, кто это прочтет». Несколько таких же дешевых конвертов потом были обнаружены в ящике стола. В конверте лежал сложенный вдвое лист светло-желтой бумаги, взятый, очевидно, из небольшой стопки в том же ящике.

На листе нетвердым почерком было выведено:

Я делаю это, потому что мне грозит кое-что страшнее смерти. Если я срочно не найду пятьсот фунтов. Он был моей последней надеждой, но сегодня в очередной раз отказал. Выхода нет. Ф.П.

Констебль Оливер вернул записку в конверт, положил на стол. Затем взглянул на миссис Трэвор:

– Пойдемте отсюда.

– Надо бы вначале снять бедняжку, – произнесла она с фальшивым сочувствием.

– Пока нельзя.

Дверь констебль выбил плечом, поэтому запереть ее было невозможно. Он попросил хозяйку принести кусок ленты, молоток, несколько гвоздиков и опечатал комнату.

– Телефона у вас, конечно, нет?

– Нет, – сухо отозвалась хозяйка.

– Тогда я схожу в участок и скоро вернусь.

Констебль ошибался, полагая, что к его приходу миссис Трэвор разнесет новость по всей округе. Хозяйка вообще была готова скрыть это неприятное событие. Поэтому, когда Руна, дождавшись ухода констебля, начала приставать к ней с расспросами, раздраженно отмахнулась:

– Не нашла ничего лучшего, как повеситься в своей комнате. А что после этого девушки станут обходить мой пансион за милую, ей на это наплевать. Дрянь какая. Я всегда говорила, что с ней что-то нечисто. И молчала она, потому что было что скрывать.

Руна поднялась наверх обсудить событие с приятельницей, Джун Силвер. Обе не любили покойную, считали ее задиравшей нос гордячкой. Но то, что она может наложить на себя руки, им никогда в голову не приходило.

– Наверное, ее допекло по-серьезному, – грустно вздохнула Джун. – Мы ведь вообще не знали, кто она такая и откуда.

Довольно скоро этот вопрос возник перед сотрудником Скотланд-Ярда, инспектором Филдом.

III

Внимательно выслушав констебля Оливера, он заметил:

– У вас есть причины полагать, что тут не простое самоубийство? Мне всегда казалось странным, почему так мало подобных девушек кончают с собой. У них жизнь, как в аду. Ведь каждый третий день они ложатся спать голодными. В общем, обитательницам Менсис-стрит не позавидуешь.

– Есть пара-тройка фактов, – неуверенно произнес Оливер, – пустяковых вроде, но настоящих. Прежде всего почему она, заперев дверь, вынула ключ из замка? Ведь тогда любой может заглянуть в замочную скважину. А зачем ей это, если она собиралась повеситься на потолочной балке? Второе – это тапочки. Она зачем-то запихнула их под кровать, а сама ходила босая, запирала дверь, писала записку. Странно. Я хочу сказать, пол линолеумный, большая часть не покрыта ковриками, полно мусора разного набросано, в том числе и булавки. Потом еще табуретка. Тяжелая. Предположим, она встала на нее и оттолкнула в сторону. Так раздался бы стук. Но никто ничего не слышал. А табуретка, повторяю, массивная. И наконец, веревка. Я к ней не прикасался, но разглядел внимательно. Она старая. И тонкая. Скорее, это толстый шнур, которым завязывают ящики. – Констебль замолчал, с досадой прикусив губу. – Я не догадался посмотреть, есть ли в комнате какой-то ящик. Но странно вот что: если бы она набросила петлю на шею и прыгнула с табурета, такая веревка должна была порваться.

Филд улыбнулся:

– Констебль, вы замечательно провели предварительный осмотр места происшествия.

– Я рад, если это показалось вам интересным, – произнес Оливер, слегка краснея.

Инспектор Филд взял свою шляпу.

– Что ж, давайте пройдемся по Менсис-стрит.

Миссис Трэвор встретила их в холле. Инспектор Филд сказал, что поговорит с ней позднее. Затем Оливер открепил ленту, и они вошли в комнату. Филд осмотрел веревку.

– Вы абсолютно правы, Оливер. Веревка тонкая и слабая. Тело этой несчастной женщины она бы вряд ли выдержала. Но есть еще кое-что. После прыжка женщины с табурета веревка должна была сильно затянуться на шее. А я вижу, что нам удастся снять петлю, не разрезая веревку. Тот, кто это сделал, совершил серьезную ошибку.

Он послал Оливера позвонить в полицию из будки через дорогу, чтобы прислали врача и фотографа. А сам тем временем занялся постелью. Белье было смято и спущено с одной стороны до пола. В подушке отпечаталась глубокая вмятина, слишком глубокая, решил Филд, чтобы поверить, что это от головы во время сна. Вероятно, некто с силой прижал голову женщины к подушке и держал так несколько секунд. Три черных волоса на наволочке, несомненно, были с головы покойной женщины. Под смятой простыней оказался скрученный носовой платок. Филд взял его за угол и расправил. Платок небольшой, с дешевым кружевом, в углу вышита буква Ф. Детектив осмотрел его под мощной лупой. Там отчетливо виднелись следы пота. Похоже, все началось и закончилось на этой постели. Возможности защититься у женщины практически не было.

Филд представил, как это случилось. Убийца стоял у постели на синем с красным коврике, теперь смятом. Оливер узнал у миссис Трэвор, что коврик обычно лежал у кровати. Видимо, в какой-то момент убийца кинулся на свою жертву и начал душить ее. Он подался вперед, и коврик заскользил по полу. Судя по расстоянию, на какое он сдвинулся, Филд решил, что убийца – мужчина среднего роста.

Осмотр смятого постельного белья также дал кое-какой результат. В складках пододеяльника застряла маленькая розовая бусинка из дешевого жемчуга с прилипшей частицей розового же шнурка. Значит, женщина легла в постель, не сняв ожерелья. А убийца порвал его.

Филд тщательно обыскал комнату, а позднее место под окном и даже опросил уборщиков, но больше ни единой бусинки найти не удалось.

Закончив осмотр постели, инспектор двинулся дальше. Обстановка в комнате производила странное впечатление. Там находились разнообразные несочетаемые предметы. Например, серебряные украшения на туалетном столике, несмотря на то что слегка потускнели, были настоящими и добротными. На каждом причудливом образе выгравирована буква Ф. Дорогая хрустальная пудреница с серебряной крышечкой содержала дешевую пудру с резким запахом. Частицы этой пудры были видны на зеркале, но, к сожалению, отпечатков пальцев обнаружить не удалось. В подушечку для булавок из темно-синего бархата с серебряным обрамлением были воткнуты дешевые безвкусные булавки. Разбросанные по столику медальоны и браслеты не имели никакой ценности. На каминной полке то же самое. Большая часть предметов там не представляла интереса. Аляповатая желтая фигурка верблюда, еще фигурка – китайчонок в розовой шляпе качается на створке ворот, несколько голубых ваз с дешевой позолотой, заполненных лиловыми бессмертниками, гипсовая статуэтка юноши и еще одна обнаженной женщины, обе безвкусные. И неожиданно среди дешевой мишуры чудесный маленький кувшин из тонкого фарфора фабрики Споуда, не позднее конца восемнадцатого века, затем такого же качества фигурка Психеи, а также небольшая, превосходно выполненная бронзовая Мадонна и, наконец, нож с нефритовой рукояткой. Последний предмет особенно подчеркивал незаурядный вкус владельца. Все это стоило дорого.

Стены были увешаны обычными картинками со скверной цветопередачей, в дешевых рамках. И рядом интересная авторская работа, цветы в голубой вазе, и несколько оригинальных постеров Рафаэля Кирхнера, где были изображены полуобнаженные девушки. Рядом висела крупная фотография четырех котят, за ней прикрепленная шпильками вырезка фривольного содержания из второсортного французского журнала. А затем снова несколько симпатичных гравюр в черных деревянных рамках с изображением деревенских пейзажей. Колодец посреди улицы; домики, а за ними в отдалении церковь с высоким шпилем; пасущиеся у пруда коровы; мост через речушку; зимняя аллея.

Филд осмотрел гравюры с особой тщательностью. Работы, несомненно, любительские, но все равно привлекали внимание.

На стульях в беспорядке разбросаны вещи покойной: кружева, ленточки. В общем, о хорошем вкусе они не свидетельствовали. К тому же все было изрядно поношенное. Исключение составляли костюм, жакет и юбка зеленовато-голубого оттенка. Жакет оторочен серым мехом.

Было ясно, что в последнее время женщина с трудом сводила концы с концами. Конечно, можно было поправить дела, продав кое-что из украшений. Но у нее, видимо, имелись причины не расставаться с ними.

На комоде лежала большая, обвязанная розовато-лиловой ленточкой коробка шоколада. Из французской кондитерской на Бонд-стрит. Почти пустая. В шкафчике у окна в кухонной нише Филд обнаружил яйца, масло, кусочек пирога и батон хлеба.

Все свежее. Значит, уходить из жизни в ее планы не входило. Иначе бы она не стала запасаться продуктами. Инспектор прочитал записку. Это убийство, теперь уже он не сомневался, и преступник хорошо знал женщину. Она у кого-то требовала пятьсот фунтов? Или убийца все выдумал?

Инспектор принялся искать какие-нибудь записи Флоренс Пенни, чтобы сравнить почерк, но нашел лишь смятый грязный листок с небольшим списком косметики, которую она собиралась купить. Буквы стерты, все неразборчиво. В ящике стола нашлись флакончик с чернилами и ручка с пером.

Филд достал из кармана листок бумаги и медленно нарисовал кошачью морду. Посмотрел на записку. Да, она была написана этими чернилами. Отложив ручку, Филд заметил, что его

пальцы запачканы. Внимательный осмотр ручки показал, что любой, взявшийся ею писать, не избежал бы подобной участи. Он оглядел руки покойной, но никаких следов чернил не обнаружил. Неужели она, перед тем как повеситься, тщательно вымыла руки? Невероятно.

Филд продолжил осмотр. Погода в последние дни стояла необычно теплая, и камин не был растоплен. Зато на полу рядом был виден пепел в достаточном количестве. Видимо, убийца перед уходом сжег какие-то бумаги. Несколько горелых спичек он бросил в пепельницу с изображением Кембриджа. Конечно, бумаги могла перед самоубийством сжечь покойная. Но она этого не делала.

Филд приблизился к небольшой книжной полке. Несколько книг в хороших дорогих переплетах скорее всего так и не были прочитаны. «Поэмы» Блейка, «Свежий воздух» Ричарда Джеффриса, книга о старом Лондоне, карманные издания трех романов Киплинга и красивый маленький альбом с репродукциями гравюр на дереве восемнадцатого века. Внутри на форзаце каждой была надпись: «Ф., 1923 год».

Поиски ключа от комнаты вынудили инспектора прийти к заключению, что убийца унес его с собой и теперь ключ покоится на дне Темзы или в сточной канаве.

Вскоре звон дверного колокольчика возвестил о прибытии из Скотланд-Ярда врача и фотографа.

IV

Инспектор Филд с доктором Роджерсом обрезали веревку и положили тело на кровать. Его подозрения подтвердились. Вережка держалась слишком свободно, и на коже отсутствовали глубокие следы, какие бывают при повешении. Доктор предположил, что повесили Флоренс Пенни не раньше чем через час после смерти, которая наступила в полночь. Сзади на шее покойной была длинная царапина, образовавшаяся, как решил инспектор, когда преступник срывал бусы. Гематома в области живота, несомненно, являлась следом удара. Роджерс считал, что убийца, вероятно, стоял у постели и, подавшись вперед, заскользил на коврике. После чего упал на жертву, ударив коленями в живот. Под ногтями убитой никаких частиц не оказалось. Это еще сильнее убедило Филда, что нападение было спонтанным и жертва не успела защититься.

Потертости в нескольких местах на веревке свидетельствовали о том, что ее использовали для завязывания коробки. Похоже, той, что стояла в углу. В подобных коробках обычно перевозят и хранят столовое серебро или постельное белье. В коробке лежали старые газеты. Убийца постарался тщательно протереть ее. На коробке совершенно не было пыли. А жаль. Инспектор очень ценил пыль как улику при расследовании преступлений. Особенно тяжких.

Убийца протер не только коробку, но и все поверхности в комнате, не оставив после себя следов. Инспектор Филд понимал, что найти здесь отпечатки чьих-либо пальцев невозможно. Пока доктор и фотограф занимались своим делом, он осмотрел потолочную балку. Затем занялся пеплом. Но ничего нового не обнаружил. Да, преступник скорее всего сжигал какие-то уличающие документы. Письма или черновики предсмертной записки своей жертвы.

Все это окончательно убедило его, что решение расправиться с жертвой преступник принял неожиданно. Если бы он планировал это заранее, то принес бы с собой подходящую веревку, да и записку бы сочинил тоже. Это должен быть человек с холодным рассудком, однако способный в гневе терять над собой контроль.

Надежды на то, что кто-нибудь вспомнит человека, выходящего из этого дома после полуночи, у Филда не было. Он знал, что на Менсис-стрит в это время из дома могли выйти десятка полтора мужчин, и никому до них не было дела.

Обходя в который раз комнату, он вдруг поднял с кресла подушку и прошупал. Внутри находилось что-то твердое. Коробочка с двумя предметами, им было суждено сыграть важную роль в расследовании. Банковская книжка, на счет которой на прошлой неделе поступило пятьдесят фунтов. Этот вклад был единственным. Рядом с книжкой в коробочке лежало обручальное кольцо. Женщины легкого поведения нередко надевали обручальные кольца, чтобы констебли задавали меньше вопросов. Но это были широкие дешевые кольца, бижутерия. Кольцо в коробочке сильно от них отличалось. Тонкое, изящное и, несомненно, золотое, оно в точности подходило на палец убитой. Эта вещь была того же качества, что и украшения на туалетном столике.

Первым делом следовало поразмыслить над банковской книжкой. Женщина с Менсис-стрит ни с одного клиента не смогла бы получить пятьдесят фунтов². Ни при каких обстоятельствах. Значит, шантаж? Не могла же эта женщина копить по мелочам пятьдесят фунтов, чтобы потом положить на книжку. Да и зачем? Если живешь в таком квартале, то деньги лучше хранить в банке, а не в сумочке или ящике стола. Теперь уже к сумме, указанной в записке, доверия было больше. Возможно, Флоренс Пенни, вытянув у кого-то пятьдесят фунтов, замахнулась на сумму в десять раз большую. Но ведь совершенно ясно, что записку писал убийца.

² Действие романа происходит в 1930 году; в то время это была крупная сумма.

Значит... она шантажировала одного, а ее, в свою очередь, тоже кто-то шантажировал? Не исключено, что преступник.

Перед уходом трое сотрудников Скотланд-Ярда постояли у кровати, где лежала убитая женщина. Инспектор Филд напряженно вглядывался в ее лицо, пытаясь представить, какой она была в жизни. И решил, что Флоренс Пенни была исключительно привлекательной. Наверное, особенно хороши были глаза, яркие, выразительные. Роста Флоренс Пенни была небольшого, но сложена идеально. Похоже, двигалась с грациозностью лани.

Доктор Роджерс не считал это дело серьезным.

– Вы его, конечно, расколете в два счета.

Филд пожал плечами:

– Не знаю, не знаю. Пока мне лишь известно, что ее убили. И больше ничего.

Фотограф кивнул:

– Да, преступник хорошо поработал. Лучше любой уборщицы.

V

Миссис Трэвор ждала в холле, но вначале инспектор Филд прошелся по дому, осмотрел оконные рамы, стекла, шпингалеты. Для чего лазил на стремянку. Ничто не свидетельствовало о том, что в дом кто-то проник с улицы. Подняться по стене и влезть в окно не смог бы, наверное, даже опытный акробат. И выбраться таким способом тоже. Наружный подоконник был шириной всего три дюйма и наклонен вниз. И не за что тут было зацепиться.

В общем, убийца мог проникнуть в дом только через входную дверь.

Глава вторая

I

Миссис Трэвор отвечала на вопросы неохотно, почти враждебно. Какая уж тут помощь. Казалось, ее возмущало присутствие полицейского в доме. На вопрос, часто ли получала покойная письма, хозяйка ответила, что очень редко.

– Зачем ей письма? Она со своими приятелями так встречалась. Или болтала по телефону. Из телефонной будки не вылезала. Благо что напротив. А я телефон намеренно сюда не ставлю. Чтобы эти девицы пустозвонили целыми днями? Еще чего!

– А чем она занималась, вам известно?

– Нет. Следить за ней я не собиралась. Живет и живет, мне какое дело? Большинство девиц иногда останавливались перекинуться парой слов. А от нее не дождешься. Вы думаете, Менсис-стрит – это болото? Чуть ступил и сразу увяз? Ничего подобного. Тут тоже живут порядочные люди. Кстати, она была из таких. Про ее поведение ничего плохого не скажу. А вот характер... Сегодня одна, завтра совсем другая. Язык у нее был подвешен как надо. Могла переговорить любого, если в настроении. Но в последнее время подобное случалось редко. Ходила как в воду опущенная. Я еще тогда подумала, вдруг что-нибудь с собой сделает. Слышала, как она кому-то сказала, что не видит разницы между жизнью и смертью и ее все забыли, даже Господь Бог.

– Но у нее бывали просветления?

– Иногда. Вдруг подходила радостная, угощала шоколадкой или песочным коржиком. Хвалилась, что дела пошли на лад. А на следующий день опять в депрессии.

– Что-нибудь конкретное она говорила?

– О какой-то квартире в городе. Мол, жила там почти что в роскоши. Не то что здесь. И еще о мужчинах. – Миссис Трэвор усмехнулась. – Она костерила их направо и налево. Ни единого доброго слова о них я от мисс Пенни не слышала.

– Вы запомнили кого-нибудь из ее посетителей?

Хозяйка нахмурилась.

– Это не по мне – вмешиваться в чужие дела. Есть посетители, нет – не мое дело, лишь бы вели себя прилично.

– Ясно.

– Она вообще-то сюда никого не водила. Сама уходила куда-то по вечерам. Возвращалась поздно.

– А с другими девушками как общалась?

– Не ближе, чем со мной, можете проверить. – Миссис Трэвор назвала несколько имен. – Никто из нас не знал ее приятелей. Хитрая была бестия. Редко какая-нибудь из здешних девушек имела постоянного дружка, а я бы его ни разу не увидела. Такого, наверное, вообще не бывало.

– Вы видели ее вчера вечером?

– Слышала, как она поднималась по лестнице примерно в половине одиннадцатого.

– Одна?

– Не знаю. Видела в окно, как подъехало такси. Она вышла с мужчиной. Он отпустил такси. Они потом долго стояли и разговаривали. Я еще удивилась, почему она не пригласит его к себе, но у меня тогда сидела приятельница, так что я особого внимания на них не обращала.

– Он зашел к ней или нет?

– А для чего, вы думаете, он сюда приехал? Полюбоваться дверью?

– Какие-то особенные звуки доносились из ее комнаты?

– Особенности? Нет. Из всех комнат слышны одинаковые звуки, когда там веселятся. К тому же на первом этаже не очень-то слышно, что происходит наверху.

– А если бы у нее опрокинулся стул, вы бы услышали?

– Сомневаюсь. Что особенного, если где-то упал стул? Там у них постоянно что-то падает. Мне что, больше нечего делать, как прислушиваться к каждому стуку? А насчет мисс Пенни... мне показалось, будто с ней что-то не так. Она очень нервничала. Я даже сказала об этом приятельнице.

Позднее инспектор Филд встретился с той женщиной, но она не сообщила ему ничего нового. Лишь подтвердила слова миссис Трэвор.

– Как долго прожила здесь мисс Пенни?

– Около года. Платила регулярно, денег взаймы не просила. А это для меня самое главное.

– А откуда она родом?

– Не знаю.

– Может, на ее коробках заметили адрес?

– Нет. Вещей у нее было немного. Коробка для шляп и небольшой чемодан.

– Ей приходили какие-нибудь письма?

– Редко. Все из Лондона, адрес на конверте, как мне казалось, был написан мужским почерком.

Это все, что ему удалось вытянуть из хозяйки. Затем инспектор Филд поднялся наверх поговорить с девушками. Какими-то сведениями о мисс Пенни располагали только две, живущие неподалеку, Руна и Джун, и он потратил почти два часа, выслушивая их несвязную болтовню, терпеливо ожидая какого-то намека, который помог бы напасть на след. Но и они знали очень мало.

– Родственников у Фанни, то есть Флоренс Пенни, не было, – заметила Руна. – Во всяком случае, она никогда о них не упоминала. Но мне кажется, – девушка замялась, – что в ранней молодости Фанни побывала замужем... неудачно. Она всегда плохо отзывалась о мужчинах. Тут у нас одна девушка, ее звали Луи Кросс, вышла замуж. Парень не красавец, да и заработать ничего не мог. Фанни только пожала плечами. Мол, все мужья такие. Хорошие попадаются очень редко.

Джун, пониже ростом и посимпатичнее, поправила яркое кимоно.

– Уж больно заносчивая она была, эта Фанни, и замкнутая.

– Да, – подтвердила Руна. – Даже встречаться в коридоре с ней было противно.

Джун, которая, видимо, была настроена против мисс Пенни менее враждебно, возразила:

– Это так, Руна, но, согласись, в ней что-то было. Словами не опишешь. Ее поведение, манера себя держать. Во всяком случае, мужчины, с которыми она встречалась, на это западали. А среди них бывали настоящие джентльмены. Я видела ее с такими.

– Вы смогли бы кого-нибудь из них узнать? – с надеждой спросил инспектор.

– Нет. – Джун покачала головой. – Я и своих-то мужчин редко узнаю, если встречу, а уж ее и подавно. К тому же я видела их мельком.

– Да, некоторые из ее мужчин выглядели довольно прилично, – согласилась Руна. – И она никогда не бывала на мели, как остальные. У нее в кошельке всегда водились деньги.

Джун оживилась:

– А помнишь, как она помогла Поле?

– Кто такая Пола? – спросил Филд.

– Пола тут жила, и однажды ее забрали копы. Что-то там нарушила. Не там стояла, не в то время. В общем, ее прихватили и оштрафовали на три фунта. Дали неделю найти деньги, как обычно, и так случилось, что всю следующую неделю дождь лил как из ведра, невозможно

было выйти на улицу. И ее бы обязательно посадили, если бы в самый последний момент на лестнице, где она стояла и всхлипывала, – а кому садиться в тюрьму охота, пусть даже на месяц, – не появилась наша леди и молча сунула ей в руку три фунта. Мы очень удивились. Три фунта не так просто заработать. Думаю, она однажды попала в положение Полы.

– Или мотала срок, – усмехнулась Руна. – В любом случае это был единственный раз, когда она сделала что-то доброе.

– Знаешь, – проговорила Джун, продолжая гнуть свою линию, – я все время гадала, кто ее родители. И решила, что она незаконнорожденная. Отец – джентльмен, а мать – его горничная. Помню, Фанни как-то обронила, что не всегда жила так и у нее были друзья в Кембридже.

– А что, на Менсис-стрит жить зазорно?

– Почему? Что тут плохого? На Мейфэр, думаю, проституток не меньше.

– А что-нибудь еще она о Кембридже упоминала?

– Лишь то, что мужчины там совсем не такие, как в Лондоне. Только я не понимаю, почему Фанни не вернулась в свой замечательный Кембридж? Что она здесь забыла? Я так однажды ее и спросила.

– И что она ответила?

– Пожала плечами и сказала, что друзей у нее там уже не осталось. Теперь она одинока.

Руна кивнула, обращаясь к инспектору:

– Думаю, насчет Фанни вам кое-что может прояснить одна наша знакомая. Она живет в Харлеке, в меблированных комнатах. Как-то мы разговорились, и она заметила, что Фанни, кажется, повезло. Нашла богатого кавалера. Весь такой разодетый. Настоящий джентльмен.

– Нравилась она мужчинам, – задумчиво промолвила Джун. – Согласись, Руна, она могла бы увести парня у любой из нас.

Подруга неохотно кивнула:

– Да, Фанни мужчин возбуждала. В ней чувствовалась какая-то загадка.

– Насчет загадки верно, – подтвердила Джун. – И мужчин она ненавидела вовсе не потому, что они ее не замечали. Наоборот. Таких, как Фанни, сейчас называют сексапильными.

«Значит, Флоренс Пенни была незаурядной женщиной, – размышлял инспектор, покинув наконец Менсис-стрит с адресом Мэгги Брим в кармане. – И производила на людей впечатление, не то что эти болтливые девицы».

Вначале он зашел в местный полицейский участок к констеблю, дежурившему вчера в полночь. На месте его не оказалось, и инспектор оставил записку, чтобы тот вечером явился в Скотланд-Ярд. Затем позвонил в управление и попросил составить справку о Флоренс Пенни. Его интересовало, сидела ли эта женщина когда-нибудь в тюрьме.

В половине третьего Филд отправился в кафе. Взял кофе с пирогом и принялся осмысливать те крохи информации, которые удалось получить. Он был убежден: покойной было что скрывать. Отсюда и ее сдержанность. Потом Кембридж. Это, вероятно, зацепка. В Англии есть только два города, где красивой женщине легко свести знакомство с мужчинами разного социального статуса. Оксфорд и Кембридж. На вид покойной было лет тридцать. Она могла работать продавщицей в каком-нибудь магазине в Кембридже, официанткой в кафе или барменшей. Учитывая ее внешность и темперамент, плюс пока еще непонятная инспектору загадочность, она легко могла привлечь внимание студентов старших курсов. Как известно, они впечатлительные. Затем, возможно, была связь с обещанием жениться. Отсюда и кольцо, и ее ожесточение по отношению к мужчинам вообще и к браку в частности.

Подкрепившись, инспектор направился в Харлек, где пришлось полчаса ждать возвращения мисс Брим. Но польза от разговора того стоила.

Он сразу выложил ей насчет гибели Флоренс Пенни. Скрывать смысла не было, все равно новость о происшествии на Менсис-стрит появится в вечерних газетах.

– Какая неприятность! – взволнованно воскликнула Мэгги Брим. – А я предупреждала ее, что джентльменам доверять нельзя. Они ведь девушек не своего круга за людей не считают. Ну свозил он ее на несколько дней на море. Что из того?

– Когда вы видели их вместе?

– Это было в пятницу вечером.

– В прошлую пятницу?

– Да.

– Вы уверены?

– Конечно. Мы тоже там находились с моим дружкой, он с трудом достал билеты.

– Где это было?

– В театре «Принц Джон». Тогда давали «Поцеловать Джорджа». Вероятно, вы видели афиши. Они расклеены по всему Лондону, с огромными буквами. И на автобусах они были и даже на поездах. Пьеса очень модная. Многие парни пытаются подражать Джорджу. Подсаживаются где-нибудь, говорят всякие глупости. Так вот, мы давно мечтали посмотреть ее. Но мой дружок, он не джентльмен, вот какое дело, так что пришлось ждать мест в партере три недели. И вот когда мы уютно устроились там, я стала оглядывать зал. Заметила, что Фанни тоже в партере, но ближе, сидит со своим приятелем.

– Вы смогли бы его узнать?

– Думаю, да.

– Как он выглядел?

– О, настоящий маленький лорд Фаунтлерой. Темные волосы, шикарный костюм, в общем, истинный джентльмен. На ней был какой-то новый наряд. Я не разглядела, они сидели в третьем ряду, – а как же, благородные дальше не садятся, – помню только, что платье было черное и накидка чуть ли не горностаевая. Во всяком случае, издали это выглядело как горностаи, а на самом деле сейчас это может быть что угодно, кролик или даже кошка. И приятель за ней ухаживал. В антракте водил в буфет – кофе и все такое. В руке у Фанни была большая коробка с шоколадом. Я еще подумала, что ей наконец-то повезло. Но с джентльменами никогда не знаешь, как все получится. Они ведь в любой момент могут бросить и забыть. Но несколько дней спустя я увидела их снова. Случайно.

– Когда?

– В понедельник. Понедельник вообще-то день тяжелый, но они так мило ужинали в одном ресторанчике на Верулам-стрит, называется «Человек с тремя ногами». Фанни выглядела очень мило в костюме-двойке, синем жакете с меховым воротником. Не красавица, нет, ее нельзя было назвать красавицей, но очень симпатичная. Понимаете, мне казалось, будто в последнее время она немного обтрепалась.

Филд вспомнил, что в комнате Фанни он не видел черного вечернего платья и горностаевой накидки. Туфель на высоком каблуке было много, в беспорядке валялись в шкафу и почему-то все сильно пахли бензином, а вот два вечерних платья были из розового или кофейного креп-жоржета. Оба старые. Но такие женщины, как Фанни или Мэгги Брим, обычно брали платья напрокат. В Лондоне есть несколько специальных магазинов. Наверное, Фанни так и сделала.

– Вы разглядели коробку с шоколадом или сидели слишком далеко?

– Разве я могла пропустить? Тем более что в театральном буфете вы таких не найдете. Большая черная коробка, обвязанная розовой ленточкой. Стоит, наверное, гинею, не менее.

Инспектор Филд воспрянул духом.

– Попытайтесь описать этого человека, – попросил он.

Она попыталась, но, как и следовало ожидать, без всякого толка. Он был темноволосый и высокий, но под это описание попадали многие мужчины. Эпитеты «симпатичный», «интересный» тоже ни о чем не свидетельствовали. Потому что у каждого человека свои стандарты

красоты. В особенности мужской. Зато Мэгги сообщила ему еще сведения, которые оказались полезными.

– Они уехали на такси. – Чувствовалось, что до недавнего времени Мэгги сильно завидовала покойной, что та удачно устроилась. – Они вышли позднее, потому что Фанни что-то потеряла, сережку или перчатку. Начала искать на полу, и ее спутник помогал ей. Подошел служащий, спросил, что у них случилось. Но они, видимо, нашли пропажу, иначе бы Фанни не ушла. Потом я увидела их на улице. Она почему-то злилась, а он разговаривал со швейцаром и выглядел удрученным. Не знаю, чего ей тогда не хватало. Парень ведь не станет покупать тебе билеты в театр, угощать и возить на такси просто так, за красивые глаза. Такое надо зарабатывать. Я слышала только, как швейцар заверил его, что немедленно вызовет такси. А потом мой приятель начал спрашивать, чем я так заинтересовалась, и мы двинулись к метро. Такси ведь не для нас.

Расставшись с Мэгги Брим, инспектор купил газету, где помещали театральные объявления. Сегодня дневного спектакля в театре «Принц Джон» не было. Значит, швейцар выйдет на работу позднее. Но кассир был на месте.

Филд показал свое удостоверение. Тот понимающе кивнул.

– Я слышал, у вас сейчас сплошные аншлаги? – спросил инспектор.

– Да, зрителей под завязку, – ответил кассир.

– А если я хочу билет в партер, то могу сразу купить его?

– Думаю, не получится. А вот насчет агентств по продаже билетов не знаю.

– А третий ряд партера в агентстве купить можно?

– Конечно. Тут недавно пришел один из агентства Уайтмана на Бонд-стрит и забрал почти все билеты на первые ряды партера. Они знают, что брать.

Филд записал адрес, спросил о швейцаре, выяснил, что тот явится к шести часам, и задал еще вопрос:

– Таксисты подъезжают сюда к вечеру или стоят весь день?

– Если нет дневных спектаклей, то днем им тут делать нечего. Других театров и галерей поблизости нет, так что зачем терять время. А вот вечером такси хватает.

– Одни и те же каждый вечер?

– Более или менее.

В агентстве Уайтмана, куда потом зашел инспектор Филд, ничего узнать не удалось. Да и неразумно было ожидать, чтобы они запомнили человека, купившего неделю назад два билета. Пусть даже и в третий ряд партера.

Инспектор больше надеялся на швейцара. Когда он вернулся в театр, швейцар Питерс находился на своем месте. Высокий, крепко сложенный пожилой мужчина держал себя с надлежащим достоинством.

– Я расследую серьезное уголовное преступление, – произнес Филд, – и меня интересует пара, которая была здесь на вечернем спектакле в пятницу на прошлой неделе. Молодые люди лет тридцати. Он – высокий и темноволосый, в пиджачной паре; она – привлекательная дама в черном вечернем платье с горностаевой накидкой. Они вышли немного позже, потому что она уронила в зале перчатку. Женщина, возможно, была чем-то расстроена. Ее спутник попросил вас вызвать такси, и вы сказали, что оно будет через минуту. Что-нибудь отложилось в вашей памяти?

Питерс кивнул:

– Странно, сэр, но я эту пару запомнил. Видимо, в них было что-то такое. Он действительно приятного вида джентльмен, а она – хм... не знаю. С подобными женщинами лучше не связываться. Мне показалось, будто у них произошла размолвка. А что можно было еще подумать, если она была мрачнее тучи, а он выглядел удрученным? И это после нашего спектакля. Я предположил, что они супруги, по крайней мере вначале. Не исключено, что она какой-то

хитростью заставила его на себе жениться. Но в том, что он сейчас об этом сильно жалеет, сомнений не было.

– А вы поняли, из-за чего у них возникла размолвка?

– В тот момент она была недовольна, что ни он, ни я не могли вытащить из кармана для ее светлости такси. «Я говорила тебе, возьми машину», – зло повторяла она. Я удивился – как-то немного чудно, горностаевая накидка, и нет автомобиля, – а потом сообразил, что не такие уж они богачи.

– И какой она была?

– Ну, какая-то вся скукоженная. Вы понимаете, что я имею в виду? Не дурнушка, хотя, на мой вкус, слишком худая. А уж как она с ним разговаривала! А он ни слова в ответ. Вот почему я решил, что она его жена. Но вероятно, он был женат, но не на ней, и не хотел скандала на людях. Дал мне полкроны, чтобы я вызвал ему такси, хотя можно было просто перейти улицу, там стояло свободное. Но он почему-то притворился, будто не видит. Богатый человек так бы не поступил. А если бы поступил, то не был бы богатым.

– Вы смогли бы узнать водителя? – спросил Филд.

Питерс пожал плечами:

– Сомневаюсь, сэр. Слишком много их тут, постоянно подъезжают и отъезжают.

– И куда он их повез?

– К сожалению, не знаю, сэр. Обычно я говорю водителю, куда ехать, но тогда не получилось. Такси ждала еще пожилая дама, и я поторопился посадить ее в подъехавшую машину, а та скрылась из виду.

– А молодого человека вы сумели бы опознать?

Швейцар помрачнел.

– Извините, сэр, но это сложный вопрос. Ведь вы ведете расследование?

– Да.

– В таком случае я не решаюсь рисковать. А вдруг ошибусь, и вы арестуете не того. Это я так, к примеру. Они сейчас все как будто на одно лицо. Высокие и одеты одинаково, никто не носит бороду, усы. С виду как будто джентльмен, а там кто знает. Иной всадит вам под ребро нож и не моргнет. А что касается вашего вопроса насчет опознания, то лучше не надо. Опознаю, а потом буду мучиться до конца жизни, а у меня и без того забот достаточно. Жена больная, и два сына без работы. Вот такие дела.

Филд поблагодарил его и отправился искать таксиста. Пришлось походить, но вскоре ему повезло. По-настоящему. Нашел таксиста, который помнил ту пару.

– Нельзя сказать, чтобы они вежливо поступили, – начал он. – Ко мне хотела сесть пожилая дама, и достойнее было бы позволить ей уехать раньше, а самим подождать другое. Но не тут-то было. Молодая влезла вперед, а мужчина стоял, словно набрал в рот воды. Затем последовал за ней. Он был какой-то заторможенный. Хотелось бы знать, как скоро той пожилой даме удалось сесть в такси.

Филд на этот счет его успокоил, а таксист пребывал в восторге от того, что участвует в полицейском расследовании, помогает Скотланд-Ярду.

– Да, – продолжил он, – она была в бешенстве и продолжала его пилить, сидя в машине, пока мы ехали. Он помалкивал. Не знаю, что у них произошло, но удовольствия мне эта сцена не доставила.

– Вы помните, куда их привезли?

– Да. Это было вполне логично, если вы понимаете, что я имею в виду.

Филд признался, что не понимает.

– Ну, она на него все наседала и наседала. Чем же все могло закончиться? Я подумал, что женщина решила с ним порвать. И если это действительно было так, то он просто не сознавал своего счастья, вот что я вам скажу. Только подумайте, жить с такой женой до конца дней...

Да кто же это выдержит? Но вы хотите знать, куда я их отвез. Они не назвали адрес, когда сели, и я ехал некоторое время просто так, ждал, когда она затихнет. А женщина не унималась, а потом вдруг наклонилась к переговорной трубке и так в нее рявкнула, что у меня дыхание перехватило. Я даже подпрыгнул, а ей было наплевать, что я веду автомобиль. «Высадите меня у ближайшей станции метро», – велела она. А мы как раз находились на перекрестке Оксфорд-стрит и Риджент, так что я сразу остановился, и она вышла. Направилась к станции, а мужчина расплатился и, посидев пару секунд, тоже вылез. Но догонять ее не стал, а двинулся прямо, куда глаза глядят. Вид у него был, как у ребенка, которого выпороли ремнем. А тут как раз начался дождь. Сильный. Я поехал вдоль тротуара и говорю: «Послушайте, сэр, может, сядете в машину? А то промокнете под дождем и простудитесь». А он поднимает голову, смотрит на меня с удивлением, словно не подозревал о моем существовании, и говорит как-то странно, отрывисто: «Нет-нет, спасибо. Я хочу подышать воздухом». Вообще-то я его понимаю. После такой взбучки любому захочется подышать воздухом. Честно говоря, я бы не удивился, если бы узнал, что он после этого сделал с собой что-то, например, бросился под поезд. Мне доводилось видеть подобных людей, которым наплевать, что с ними будет. Ну, я проехал за ним еще немного – он шел будто бы бесцельно, но быстрым шагом, словно куда-то торопился, а потом меня остановил пассажир, и больше я его не видел. Забавно, что вы сейчас спрашиваете о нем. Потому что я все время о нем помнил. Жена меня дома отругала: «Ты что, совсем сдурел? Беспокоишься о богаче, который может купить тебя и еще десяток такси и даже не поморщится! Лучше подумай о своем доме». Она, конечно, была права, но я все равно не мог его забыть. Он что-нибудь натворил?

– Пока не знаю. Когда найду, будет ясно.

Таксист помрачнел.

– Я все корю себя за то, что тогда за ним не присмотрел, не остановил. Но как можно было не сажать пассажира, скажите вы мне? Он куда-то торопился, а значит, не поскупился бы на чаевые. А у нас, у таксистов, теперь не лучшие времена. Пассажиров стало меньше, чаевых тоже. Народ начал считать денежки, и вы не поверите, сэр, они не стесняются спросить сдачу с полкроны за поездку в два шиллинга. Не то что раньше, когда почти все ездили на такси. Была такая мода. Тут поневоле станешь консерватором.

Филд терпеливо выслушал его и задал последний вопрос:

– В каком направлении он пошел, когда вы его высадили?

– На запад от перекрестка. Он действительно что-то с собой сделал?

– Пока не известно, – произнес Филд.

– Да, – вздохнул таксист, – порой пропавших ищут неделями. А иногда вообще не находят.

Он с напускной печалью положил в карман чаевые, которые дал ему Филд, как бы намекая, что его переживания не позволяют оценить щедрость детектива.

II

До конца рабочего дня оставалось еще время, и инспектор намеревался провести его с пользой. Он направился к ресторану со странным названием «Человек с тремя ногами». Поговорил со швейцаром, управляющим и официантами в надежде подтвердить слова Мэгги Брим. Но ничего выяснить не удалось. В ресторане всегда было много посетителей, в основном из богемы или подделывающих под нее. Где уж тут запомнить какую-то пару, если только они не устроили дебош. Мужчины часто приводили сюда поужинать своих машинисток. Здесь было спокойно, вероятность встретить знакомых минимальна. Филд предположил, что молодой человек приглашал Фанни по той же причине.

Следующим был кондитерский магазин на Бонд-стрит, но и здесь никто не смог вспомнить мужчину, купившего коробку сладостей. Таких было множество.

Вернувшись обратно, инспектор увидел, что его ждет констебль Дженкинс, который вчера вечером дежурил на Менсис-стрит. Мужчина лет сорока, темноволосый, основательный, но помочь детективу ничем не смог.

Да, он совершал обход Менсис-стрит примерно в то время, когда погибла Фанни, но ничего подозрительного не заметил.

– И каков ваш маршрут обхода? – спросил Филд.

Констебль пояснил.

– Значит, Менсис-стрит надолго выпадает из вашего поля зрения?

Дженкинс озадаченно посмотрел на него:

– Но нельзя же быть в двух местах одновременно, сэр!

Инспектору пришлось согласиться с ним. На том и расстались.

Затем он поинтересовался справкой со сведениями о Флоренс Пенни и выяснил, что о ней в уголовной полиции ничего не известно. Под судом и следствием она не была, тем более не сидела в тюрьме. Эксперт сообщил, что записка написана не теми чернилами, что нашли в ящичке стола, а другими, тоже простыми, но для авторучки. Но никакой авторучки в комнате Фанни обнаружено не было. Это еще больше укрепило уверенность инспектора, что Фанни убили.

Преступник хорошо постарался, не оставив в комнате никаких следов. Ни единого отпечатка. Табурет тоже был совершенно чистый. Впрочем, последнее было не важно. Потому что Фанни на него в ту ночь не вставала.

Наконец инспектор просмотрел сводки, начиная с прошлого понедельника, о неопознанных трупах – утопленниках и прочих. Ни один не попадал под описание человека, о котором рассказывали свидетели.

Так закончился его первый день работы над делом по убийству Флоренс Пенни.

Глава третья

I

Упорства инспектору Филду было не занимать. Утром он снова отправился в дом № 39 по Менсис-стрит, в жилище Фанни, чтобы посмотреть свежим взглядом на гравюры. Не исключено, что автор известен какому-нибудь лондонскому торговцу картинами. Он снял со стены самую небольшую, намереваясь обойти с ней магазины.

Инспектор также внимательно изучил отороченный мехом синий жакет. Фирменная этикетка отсутствовала, но Филд и не ожидал ее увидеть. Скорее всего Фанни покупала одежду в секонд-хенде, где ее перед продажей чистили, а возможно, и красили, чтобы одежда выглядела как новая. Чтобы убедиться, он достал нож и аккуратно разрезал на плече шов. Так и есть: раньше жакет был бежевый. Значит, надо было обойти магазины секонд-хенда, а также те, где дают костюмы напрокат. Может, удастся напасть на след черного вечернего платья и накидки.

Но вначале следовало заняться гравюрой, и инспектор Филд пошел к известному торговцу произведениями искусства. Тот осмотрел гравюру и объявил, что работа любительская, хотя выполнена старательно и со вкусом. Автор, разумеется, ему не знаком.

– Его инициалы Ч.Х., – добавил он.

Только сейчас Филд смог разглядеть среди изображения подпись.

Другие торговцы, к которым он обращался, сказали примерно то же самое. В конце концов инспектор оставил поиски и занялся одеждой. Купить такое платье и накидку у Фанни скорее всего возможности не было. Руна говорила, что в последнее время у покойной было туго с деньгами. Ведь пятьдесят фунтов на ее счете появились совсем недавно. Он уже побывал в банке. Фанни принесла туда пять купюр по десять фунтов. Принимавший вклад клерк опознал ее на фотографии и вспомнил, что вид у женщины не соответствовал сумме вклада. Однако ключевой фигурой в деле являлся мужчина, с которым Фанни находилась в театре, и пока инспектор не выяснит, кто это, двигаться дальше будет очень трудно.

Нужный магазин одежды он разыскал уже к вечеру. Управляющая – высокая, затянутая в черный атлас холеная дама – согласилась отвечать на вопросы, только когда он показал карточку Скотланд-Ярда.

– Вообще-то мы даем вещи напрокат постоянным клиентам. А мисс Пенни была таковой и достаточно часто делала у нас покупки. По поводу платья и накидки она объяснила, что они нужны ей на один вечер, и мы пошли навстречу.

– Вы давно ее знаете? – спросил инспектор.

– Да.

– Более пяти лет?

Мадам пожала плечами.

– А бухгалтерские записи помогут вспомнить?

– Наверное.

– Тогда просмотрите их, пожалуйста, – мягко попросил Филд. – Я подожду.

Не скрывая раздражения, она начала листать потрепанную книгу счетов, что-то бормоча себе под нос и считая на пальцах. Наконец выдала:

– Около года.

– И какой адрес у вас указан?

– Менсис-стрит, 39.

– Она жила там постоянно?

– Да. Говорила, что у нее хорошая квартира.

– Она у вас еще что-нибудь брала напрокат?

– Нет.

Но инспектор уже потерял к ней интерес. Он покинул магазин, нисколько не продвинувшись в поисках. Лишь получил подтверждение, что женщина, которую свидетели видели в театре и ресторане, действительно была Фанни.

Двигаясь к станции метро, инспектор Филд прокручивал в голове полученные сведения, не зная, куда их приспособить. По-прежнему ничего не было известно о сопровождавшем Фанни мужчине. Что ж, придется съездить в Кембридж, может, там их кто-нибудь вспомнит.

На следующее утро он сел в поезд и к полудню был в Кембридже. Здесь снова начал с гравюры. В первых двух магазинах ничего похожего не видели, а в третьем торговец вспомнил, что несколько лет назад ему предлагали нечто подобное. Принесший гравюру молодой человек, похоже, местный студент, был разочарован отказом. Правда, торговец признался Филду, что работа ему понравилась. В ней чувствовалась индивидуальность.

Следующий день, субботу, Филд посвятил поискам следов Фанни. Он терпеливо обходил кафе и магазины, где показывал ее фотографию. К сожалению, без результата. Но возможно, Фанни являлась дочерью владелицы меблированных комнат или горничной, однако для проверки данной версии пришлось бы посетить в Кембридже чуть ли не каждый дом. В городской адресной книге значилось много жителей с фамилией Пенни, но никто из них не имел о Фанни ни малейшего понятия.

Вот так прошел день. Под стать ему была и погода – постоянно лил противный мелкий дождь. Попивая за столиком в кафе невкусный кофе, инспектор удивлялся: почему люди считают жизнь детектива интересной, полной захватывающих приключений? Нет, работа детектива – это нескончаемые нудные проверки и поиск мельчайших деталей. Это необходимость исключить все лишнее, избыточное, долгие ожидания того или другого, разочарования и огорчения, которым нет конца, и злость на препятствия, возникающие со всех сторон. Но Филд признавал, что, когда все оказывалось позади, работа приносила ему удовлетворение. И ни на какую иную он бы ее не променял.

Когда забываешь о потраченном зря времени, о встречах с глупыми, высокомерными, а порой истеричными людьми, то занятие начинает казаться необыкновенно увлекательным. Это ведь сродни решению трудных математических задач, для чего требуется определенный склад ума. А вот подобным качеством инспектор Филд обладал в полной мере. Еще ребенком любил складывать пазлы, отвергая простые, требуя все более и более сложные. И содержание рисунка, как ни странно, для него не имело значения. Важен был сам процесс достижения цели. Викинги и скачущие на конях индейцы были ему не интересны. Он просил пазлы с морскими пейзажами, где много голубого безоблачного неба, синего моря, где элементы выглядели одинаковыми. Но зато как восхитительно было увидеть силуэт фрегата в океане и чайк, парящих над волнами.

Допив кофе, инспектор Филд почувствовал, что досада и раздражение исчезли. Не огорчаться надо было, а радоваться, что попалось сложное, запутанное дело. Что толку, если быстро припрешь к стенке какого-нибудь идиота, убившего из дури и сразу признавшего вину? А вот попробуй найди следы этой Фанни и ее ухажера, когда о них ничего не известно.

II

В воскресенье, когда все вокруг закрыто, он решил прогуляться по окрестностям. Проветрить мозги.

Не исключено, что эта возня с Кембриджем вообще была лишней. Мэгги Брим, рассказывающая о Фанни, могла оказаться фантазеркой и упомянуть Кембридж просто так, а пепельницу Фанни купила на благотворительном базаре. Но Филду надо было все досконально проверить. Честно говоря, он начал симпатизировать молодому человеку, на след которого пытался напасть. Впрочем, вероятно, что автор гравюр и тот, с кем Фанни находилась в театре, совершенно разные люди.

Сегодня погода стояла на удивление ясная, вчерашнего дождя как не бывало. В небе лишь кое-где виднелись бледные облака с легкой позолотой в тех местах, где они встречались с горизонтом. Время ласточек еще не пришло, но дрозды уже были тут как тут. Пристроившись на водосточных трубах, они пели с таким пылом, что было заметно, как колышутся их мягкие грудки. На фоне бирюзового неба четко выделялась цепь шпилей, возвышающихся над аккуратными черепичными крышами домов. Кембридж не такой старинный, как Оксфорд, но и он может гордиться готической красотой своих колледжей. В украшенных лепными гербами проемах старинных ворот уже зеленели прямоугольники газонов. На только что распутившей почки липе дрозды пели так истошно, что Филд ненадолго остановился послушать. В парке воробы лакомились чем придется, в основном клевали ростки примулы, и над всем этим витала слабая дымка, но не унылая, не пасмурная, а внушающая надежду, поднимающая настроение.

Городские постройки хорошо вписывались в окружающий сельский пейзаж. Филд прошагал несколько миль по открытой ровной местности, не встретив в этот ранний час ни единой души. Он намеренно не пошел по дороге, где время от времени проносились мотоциклисты, к тому же дерн приятно пружинил под ногами. Через три часа Филд достиг границы небольшой деревни Кингс-Саттон. Так значилось на указателе. Она была хороша, купаясь в мягких лучах утреннего солнца. Впрочем, какое это утро, когда часы на церковной башне пробили двенадцать. Несколько пожилых прихожан в черных костюмах и шляпах неспешно двигались в сторону церкви с молитвенниками в руках. Кингс-Саттон казалась инспектору Филду деревней из сказки. На рыночной площади стояла старая водокачка, напротив – кузница. Увидев их, инспектор вздрогнул, словно кто-то неожиданно схватил его за локоть. В этой деревне он, несомненно, был впервые, но водокачку и кузницу уже где-то видел. И Филд моментально вспомнил где. На одной из гравюр на стене в комнате Фанни, подписанной инициалами Ч.Х.

Значит, он все-таки на верном пути. Ч.Х. скорее всего выпускник какого-нибудь колледжа, и, возможно, удастся его идентифицировать. Вероятность небольшая. Бог знает сколько студентов с такими инициалами учились в университете в 1923 году, но мог помочь тот факт, что Ч.Х. был художник-любитель. Занимался гравюрами. Его может вспомнить куратор группы или кто-нибудь из служащих колледжа. Надежда слабая, но завтра надо будет обязательно все выяснить.

Филд мельком взглянул на одинаковые дома с одинаковыми садиками, выстроившиеся в длинный ряд вдоль единственной улицы. Его интересовали находившиеся на площади магазины, ставни которых были сейчас закрыты. Мясная лавка, табак, газеты и книги, ремонт обуви, молочные продукты, а за ними... Инспектор опять вздрогнул. На вывеске углового магазина значилось «Артур Уэллинг – картины и рамы».

Дверь открыл хозяин. Полуодетый, рубашка спущена поверх брюк, волосы не причесаны. Неприязненно покосился на инспектора. На сообщение о Скотланд-Ярде молча кивнул.

– Я ищу человека, – сказал инспектор, – художника-любителя, который несколько лет назад писал в этой деревне водокачку и кузницу. Потом изготовил гравюры. Его инициалы Ч.Х. Может, вы его помните?

– Нет, – спокойно ответил Уэллинг. – Никакого Ч.Х. я не видел. И гравюр у меня совсем немного.

– Но есть какие-то?

– Да, несколько. Я получил их вместе с остальным товаром. Мне кажется, они не подписаны.

– Я хотел бы на них взглянуть.

– Но сегодня воскресенье, – проворчал Уэллинг.

На что инспектор строго возразил, что сотрудники Скотланд-Ярда работают и по воскресеньям.

– Что изображено на ваших гравюрах?

– Да так, ничего интересного. Церковь, водокачка, коровы в поле. Ну кто их купит? Людям не интересно то, что они видят каждый день.

– Ни одну не удалось продать?

– Купили штуки три. Туристы. Летом у нас тут их много бывает. – Уэллинг изобразил что-то вроде улыбки. – Из-за местных достопримечательностей. Ну, например, церкви. Настоящая старина, семнадцатый век. Работает как музей. Говорят, местный витраж единственный такой в стране. И он гораздо старше церкви. Во времена Генриха Восьмого его успели снять и закопать в землю, и он пролежал там бог знает сколько лет. Пока не откопали и не поставили на место. И дома тут попадаются старинные. В общем, есть на что посмотреть. Я сам ничего в витражах не понимаю, но приезжают люди с большими деньгами и платят. И это когда в стране тысячи голодают и живут в плохих условиях!

– Как к вам попали гравюры?

– Я же сказал – вместе с магазином. А его нам передал тесть со всем содержимым. Мы здесь всего пять лет. Когда начались трудности, он бросил дело. Пришлось приехать сюда нам с Салли. Но в основном мы торгуем сувенирами: керамикой, памятным медалями. Если бы жена не держала кафе на углу, не знаю, удалось бы нам сводить концы с концами. Мы ведь близко от Кембриджа, и летом здесь полно людей. Приезжают на машинах, приходят пешком. Каждый обедает. Вот тем и живем. И на зиму запасаемся, когда тут ни единой души не увидишь. Туристы покупают у нас еще фарфор, акварели и фотографии, раскрашенные вручную. Продаем и открытки с церковью.

Он наконец отпер дверь магазина и достал стопку пыльных гравюр, покрупнее, чем те, что Филд видел в комнате Фанни. Но автор был тот же самый. Вскоре инспектор убедился в этом, разглядев на одной в углу подпись.

– Я полагаю, ваш тесть должен знать этого Ч.Х.?

– Возможно. Но с ним не поговоришь, он теперь чокнутый. Крыша у него сдвинулась, понимаете. А его жена... та еще мегера. Неудивительно, что старик тронулся умом, а дочка ушла из дома.

– Неужели?

Уэллинг усмехнулся:

– Да, с молодым парнем. Несмотря на крики матери. Я тогда еще не был женат на Салли, только приезжал сюда иногда. – Он помолчал. – Но удерживать ее в доме вечно у них бы все равно не получилось. Забыл, как его звали, этого парня. Кажется, он учился в каком-то колледже. С тех пор они о Фанни даже вспоминать не хотят. Особенно мать. И мою жену тоже не спрашивайте – говорить не станет. Считается, что она их опозорила.

– А какой адрес у вашего тестя?

Уэллинг с хмурым видом продиктовал.

– Он переехал туда, когда передал нам магазин. И скажу вам, заведение не процветало еще до ухода Фанни. Впрочем, это не важно.

– А как зовут мистера Пенни?

Уэллинг, кажется, не заметил, что Филду известна фамилия тестя, которую он не называл.

– Джозеф. – Он задумался, а затем, будто вспомнив что-то давно забытое, в сердцах продолжил: – Настоящей потаскухой была эта Фанни. Будь она моей дочкой, я бы ее выпорол ремнем. Но она бы вам сразу понравилась, а почему, вы бы и сами не знали. Уверен, влезла бы вам в душу. Что у нее там было на уме, никто не знает. Сегодня улыбается во весь рот, а завтра может окрыситься, мало не покажется. А врунья – какую поискать! Я лично даже похожих не встречал. Но вот что забавно: вы бы на это не обращали внимания. Чем она брала мужчин, объяснить невозможно. Просто в ней было что-то такое, как говорится, изюминка, какой у большинства женщин нет. Вот взять хотя бы Салли, ее сестру. Она моя жена, полностью меня устраивает, но нет у нее такой изюминки. Нет, и все. А эта заставила бы вас жить в предчувствии, что должно случиться что-то очень хорошее, если вы будете с ней. И если бы вы оказались на мели, ну, кончились бы у вас деньги, изменила удача, так она подняла бы ваш дух, придала сил, и не словами, нет, а одним своим видом. И это при том, что там не на что было посмотреть, честное слово. Худая, бледная девица, прямые черные волосы, вроде совсем не на таких бросаются мужчины. Однако могла получить любого, на которого положила глаз. А вот удержать мужчину у нее не получалось. Надоедала она им, я думаю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.